

С.Е. ГОЛУБКИНА¹

¹*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Национальный исследовательский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация: Обращаясь к вопросу о том, что представляет собой современное поле постколониальных исследований, автор исследует их институциональное развитие, отмечая ряд научных центров, а также некоторые аспекты адаптации на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: постколониальные исследования, колониализм, империя.

S.E. GOLUBKINA¹

¹*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (National Research University), Nizhny Novgorod, Russian Federation*

SOME TRENDS OF THE POSTCOLONIAL STUDIES DEVELOPMENT

Abstract. Referring to the question of what the field of contemporary postcolonial studies represents, the author explores their institutional development, noting a number of research centers, as well as some aspects of adaptation in the Post-Soviet space.

Keywords: postcolonial studies, colonialism, Empire.

В течение длительного времени колониализм изучался в первую очередь с точки зрения его экономического, политического и военного измерений. В советской историографии подробно разрабатывались темы методов экономической эксплуатации, стратегии колониального управления, практики военного завоевания территорий, национальных движений за независимость. Вектор направлений мысли в этом проблемном поле значительно изменился с появлением постколониальной теории, выдвинувшей на первый план культурное и идеологическое измерение, что привело к пониманию колониализма как «системы дискурсивного осуществления власти» [18]. В настоящее время в отечественной науке заметно значительное усиление интереса к данной теме, что, как отмечается, связано с нехваткой «больших теорий» при осмыслении имперского опыта и изучении вопросов по истории колониальных империй [14, с. 74].

Центром теории являются ставшие уже классическими работы Ф. Фанона, Э. Саида, Х. Бхабхи, Р. Гуа, Д. Чакрабартти, на основе которых с 1980-х гг. сформировалась отдельная междисциплинарная область гуманитарной науки – постколониальные исследования. В их компетенции оказалась, в сущности, вся история взаимоотношений Запада и его Другого – Востока; в ракурс видения попадают проблемы как прошлого, так и настоящего – протоколониальные, колониальные, постколониальные.

Не претендуя на всю полноту освещения вопроса, в данной статье нам хотелось бы отразить общие тенденции развития постколониальных исследований в настоящее время как за рубежом, так и в нашей стране.

Объединяющим началом для этого разрозненного поля исследований по литературе, истории, политике, географии, изобразительному искусству и др., с одной стороны, выступают теоретические установки, опирающиеся на идеи европейской философии постмодерна. Ключевые из них: фактическое отрицание возможности существования универсальных истин, устойчивых эпистемологических основ, признание языковой концепции реальности и неизбежной относительности всего знания. С другой стороны, сформировавшись на волне деколонизации и критики западного доминирования,

постколониальные исследования объединены призывом к преодолению европоцентризма в национальных историях и целью переосмысления наследия колониализма. Широта вопросов, попадающих в поле зрения, столь велика, что порой представляется затруднительным определить их границы. Невозможно не согласиться со словами Джеймса Элкинса: «Визуальная культура, постколониальные исследования, исследования фильма и культурные исследования смешались в учебных курсах, преподаваемых в таких отдаленных местах, как Берген, Тайбэн, Дели, Буэнос-Айрэс и Болонья» [16, с.251].

Важно отметить, что, когда говорят о постколониальных исследованиях, речь не обязательно идет о научных, академических изысканиях, но также о публицистических, художественных текстах, так или иначе обращающихся к вопросу властных отношений между колонизатором и колонизованным. Таким образом, литературная и эссеистская критика «незападного мира» также попадает под названное определение. Это дает возможность характеризовать постколониальные исследования и как пространство для диалога между Западом и его Другим, поскольку подразумевает как взгляд со стороны метрополии, так и со стороны ее подчиненного (в прошлом или настоящем) субъекта. Е.Ю. Чемякиным были выделены следующие проблемные поля постколониальных исследований: нация и национализм, ориентализм, саморепрезентация, поиск культурной идентичности, амбивалентная и мультикультурная личность, проблема отношения к прошлому [15, с.15-16].

Центром постколониальных исследований по праву могут быть названы Британские острова. Здесь сформировалось несколько крупных университетских сообществ, среди которых: Институт колониальных и постколониальных исследований Лидского Университета, Центр постколониальных исследований, работающий на базе школы английского языка в Университете Кента, Центр колониальных и постколониальных исследований Университета Сассекса, Центр постколониальных исследований Стерлингского университета, Центр имперских и постколониальных исследований Саутгемптонского университета, Международная организация Общество франкоязычных постколониальных исследований, работающая на базе Ланкастерского университета. Направления деятельности крайне разнообразны. Информация, предоставляемая нам веб-сайтом Центра постколониальных исследований Университета Ноттингем Трент, заявляет о следующих областях, на которых специализируются его участники:

- Колониальные травелоги и художественная приключенческая литература;
- Современный империализм и постколониализм;
- Современные постколониальные тексты, включая африканскую, карибскую, афробританскую, ближневосточную и южноазиатскую литературу;
- Постколониальная теория;
- Постколониальный феминизм, гендерные исследования и исследования сексуальности;
- Раса, этничность и народное просвещение;
- Развитие технологий и миграция;
- Литература и кино об иммигрантских группах, а также их авторство;
- Теории, касающиеся диаспор, миграционных потоков, эмиграции и беженства;
- Глобализация.

Показательна деятельность Центра постколониальных исследований Лондонского университета Голдсмита. Обратив внимание на темы организуемых семинаров и конференций, не сложно заметить значительную гетерогенность проблематики как географически, от латиноамериканских исследований до азиатских, так и хронологически. Их участниками, кроме ученых различных областей, являются художники, архитекторы, философы, режиссеры, фотографы. Деятельность направлена не только на научные изыскания, но также на привлечение общественности к современному наследию

колониализма. Например, сотрудничая с испанским культурно-развлекательным комплексом «Матадеро», центр реализует проект под названием «Предел погрешности», ставящий целью деконструкцию уроков по «традиционной, официальной истории и превращение их в серию кинематографических фрагментов, отображающих альтернативные учения».

Наконец, в Великобритании базируется Ассоциация Постколониальных Исследований, носящая международный характер. Это профессиональная организация, цель которой – объединить ученых, занимающихся вопросами, связанными с постколониальной теорией, работающих в различных дисциплинах и на различных языках. Членами ассоциации числится более четырехсот человек, среди которых как профессора, так и студенты. Центр выступает организатором значительного числа научных конференций и семинаров в этой области.

Популярность постколониальной теории на Британских островах представляется закономерной, очевидна ее связь не только с желанием осмыслить свой имперский опыт, но и выявить его многостороннее влияние на настоящее. Однако постколониальные исследования сегодня – феномен общемировой: научные центры развиваются в Австралии, США, Германии, Нидерландах и других странах. Результаты деятельности публикуются в ряде специализированных журналов, среди которых «Journal of Postcolonial writing», «Interventions: International Journal of Postcolonial Studies». За пределами «западной» академической науки наиболее известными направлениями постколониальных исследований стали южно-азиатские исследования субалтерна (Subaltern studies), за которыми последовала волна изучения разнообразных «иных» (которым в европейской традиции было отказано в праве голоса), а также латиноамериканские исследования проблемы идентичности.

Отдельное внимание хотелось бы уделить попыткам перенесения постколониальной теории на опыт постсоветских стран. В центре дискуссии в данном случае оказался вопрос о применимости термина колонизация к российскому и советскому опыту и о том, можно ли называть постсоветское пространство постколониальным. Конечно, необходимо заметить, что риторика на эту тему появилась еще раньше, сразу после распада СССР. В Независимой газете от 07.02.1992 г. Альгис Празиускас писал, что СССР «силой и посредством тотального контроля удерживал вместе разноплеменной мир, своеобразный евразийский паноптикум народов, не имевших между собой ничего общего, кроме родовых свойств Homo Sapiens и искусственно созданных бедствий», утверждая, что на его месте образовалось постколониальное пространство с характерными для подобных переходных состояний проблемами [8].

С начала 2000-х годов интерес к постколониальным исследованиям в нашей стране проявился в обсуждении теории ориентализма Э. Саида. В журнале «Ab Imperio» в диалоге между американскими и отечественными учеными обсуждалась возможность введения понятия российского ориентализма, его особенностей и границ применения. Внимание привлекла выдвинутая А. Эткиндо теория внутренней колонизации России, получившая дальнейшее развитие в историографии [5-7,11,17]. В переложении идей постколониальных мыслителей на российскую почву М.В. Глостановой разрабатывались вопросы культурной и национальной идентичности. В своих исследованиях она развивает идею характерной для России двойной самоидентификации. Предлагается образ России как «квазизападной субалтерной империи, в идеологии которой сочетались образы колонизатора и колонизируемого, развивалось вторичное периферийное западничество и имперское различие себя со странами Европы» [3]. Необходимо отметить и работы И.Н. Ионов, объектом изучения которого стала роль имперского и постколониального дискурса в формировании образа России на Западе [2,3].

В целом применительно к российскому опыту постколониальная теория позволила выявить некоторые новые ракурсы, задать новые вопросы и оказала влияние на методологию исследований, связанных с имперской проблематикой. Однако завоевать столь сильный авторитет, как это произошло в западной науке, у нее не получилось. На настоящий момент в

России не сформировалось центров постколониальных исследований, а сам предмет только начинает входить в университетские программы (например, в РГГУ). Главная тому причина, по-видимому, кроется именно в изначальной спорности применения теоретических установок, основанных на опыте империй морского типа, к отечественной истории. Другой аспект данной проблемы – неразрывная связь тем, поднимаемых постколониальной теорией, с современной политикой и различными аспектами межэтнических отношений.

На этот факт обращает внимание В.В. Цибенко, отмечая, что «концепция ориентализма стала знаменем антиколониальной борьбы, развернувшейся в научном пространстве». Исследуя вопрос применимости постколониальной теории по отношению к кавказской проблематике, она приходит к выводу, что при данном подходе ведущей темой в ней становятся империалистические устремления советской и российской империй. «Кавказ предстает российской колонией (наряду с Центральной Азией, Поволжьем, Сибирью) и включается в постколониальный дискурс. Таким образом, история Кавказа в составе России рассматривается как процесс колонизации и ответной антиколониальной борьбы» [14, с.78]. Результат – негативное восприятие совместного прошлого. По ее мнению, применение концепций постколониализма – тупиковый путь для российского кавказоведения, превращающий историческую науку в политическое мифотворчество.

Показательна рецепция рассматриваемой теории относительно прошлого и настоящего бывших союзных республик. А.Т. Забирова, профессор Евразийского Национального Университета имени Л.Н. Гумилева, считает Центральную Азию в составе Российской империи и СССР – наиболее приемлемым регионом в смысле применения постколониального подхода. По ее мнению, этот регион долгое время оставался «хрестоматийным примером колониального характера советской системы в текстах и идеях западных советологов, доказавших, что именно здесь сопротивление коммунизму было самым сильным, а культурные традиции, и в особенности религиозные, сохранялись в наибольшей степени». Автор выражает уверенность в том, что по мере возвращения Центральной Азии геополитически и культурно «в лоно Среднего Востока и мусульманского мира анализ региона с позиции постколониального подхода будет становиться более влиятельным» [4]. К выводу об эвристической ценности постколониальной теории, «снабжающей нас новой оптикой» в отношении этого региона приходят и западные ученые. Сотрудник факультета социологии Гарвардского университета Лора Адамс писала: «Новый инструмент ценен тем, что он позволяет не только раскрыть постколониальную природу нынешней Центральной Евразии, но и выявить отличия ее социума от других постколониальных обществ. Более того, исследование среднеазиатских обществ поможет совершенствованию постколониальной теории через приложение ее к более широкому спектру имперских проектов, в особенности тех, в основе которых лежали некапиталистические способы доминирования» [1]. Она также указала на несколько важных аспектов, среди которых зависимость постколониальной теории от наличия местного движения за независимость, а также относительная легкость приложения к Центральной Азии культурных и политических, но отнюдь не экономических теорий колониализма. В своем анализе она отталкивается от понимания постколониализма в качестве «контекстуально наполняемого дискурса, генерируемого реакцией (отторгающей или благожелательной) некогда колонизированных народов на институциональное наследие бывших колонизаторов, а также на нынешние взаимоотношения с ними» [1].

Значительное влияние постколониальная критика и постколониальные исследования приобрели в отношении Восточной Европы. К институциональным выражениям этого процесса с уверенностью можно отнести издание при поддержке Стокгольмского университета журнала по литературным и культурным исследованиям о Центральной и Восточной Европе – «Постколониальная Европа». При опоре на постколониальную теорию учеными, писателями, философами Украины обсуждаются вопросы украинской идентичности, русификации, сложного характера взаимодействия с Россией и Западом,

постколониальным особенностям современного общества и прочие. В одной из статей в указанном выше журнале Мирослав Шкандрий, канадский литературовед украинского происхождения, отмечает, что обратился к этой теории, чтобы исследовать точку зрения о несуществовании украинского языка и идентичности, с которой он столкнулся, начав обучение в Кембридже [19]. На эвристическую ценность постколониальной методологии для исследования истории, культуры, общества Украины, выявляя и ее ограничения, обусловленные четким осознанием отличий российско-советского колониализма от классического, указывал украинский аналитик Микола Рябчук. По его мнению, Украина и Беларусь представляют «промежуточный случай между по существу классическим колониализмом в российско-советской Азии и на Кавказе и относительно мягким неоколониальным доминированием СССР в Восточной Европе» [9, с.120]. Однако, становясь популярным способом объяснить текущие события на постсоветском пространстве, постколониальная теория выходит за рамки академических споров. По недавнему замечанию Ричарда Саквы в британском журнале «OpenDemocracy», вопрос о том, является ли Украина постколониальным государством, напрямую связан с основополагающими вопросами о природе украинской политики. Автор отмечает, что «постколониализм становится еще одним видом оружия в арсенале восточноевропейских националистов и по сути придает теоретическую респектабельность традиционной русофобии» [10].

Наконец, в рамках нашего краткого обзора невозможно обойти вниманием и попытки белорусских интеллектуалов переосмыслить белорусский контекст в категориях постколониальной теории. Особый интерес исследователей здесь сформировался вокруг понимания Беларуси как своеобразного культурно-социального пограничья, что проявилось и в деятельности Научно-исследовательского Центра перспективных научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук, издающего журнал «Перекрестки» [13]. С тем, что этот термин применим к Беларуси, согласна и Э. Усманова, выдвигая тезис о трансформации после 1989 г. Восточной Европы из «Другого» в Subaltern. В своей статье «Восточная Европа как новый подчиненный субъект» она также высказывает опасения в отношении западных концепций, указывая на необходимость соблюдения определенной рефлексивной дистанции. Оценивая общий вектор развития постколониальных исследований на постсоветском пространстве, мы считаем точным предложенное ею определение постколониальной теории: «это не столько исторические или социологические исследования, сколько эпистемологическая теория, критика определенной парадигмы знания, которая производит “колониального” субъекта и формы подчиненной региональности» [12].

В целом рецепцию постколониальной теории на постсоветском пространстве нельзя назвать однозначной. С одной стороны, применение концептов и методологии, выработанных постколониальными исследованиями, позволяет сегодня задавать новые вопросы и открывает новый ракурс видения при изучении имперской проблематики и феномена колониализма. Но также очевидны ограничения и даже опасности, возникающие при слишком прямолинейном перенесении теории, в основе которой – значительная географическая дистанция между колонизатором и колонизованным, на опыт советской российской империй. Такой поворот с необходимостью ведет к пересмотру (а иногда и к инверсии) изначальных теоретических установок, что сдерживает и институциональное развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамс Л. Применима ли постколониальная теория к Центральной Евразии? [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2009. №4(66). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/am5.html>
2. Ионов И.Н. Имперский и постколониальный дискурсы в формировании образа России на Западе // История и современность. 2008. Вып. №2. С. 128-153.

3. Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс [Электронный ресурс] // История и современность. 2009. №2. URL: http://www.isras.ru/files/File/Istoriya_i_sovremen/2009-2/Ionov.pdf
4. Забирова А.Т. Эвристические возможности и ограничения постколониальной парадигмы в исследовании Евразии [Электронный ресурс] // Евразийский университет имени Л.Н. Гумилева. URL: <http://www.enu.kz/repository/repository2013/VOZMOZHNOSTY-I-OGRANICHENIE.pdf>
5. Кэмпбелл Е. К вопросу об ориентализме в России (во второй половине XIX века – начале XX века) // Ab Imperio. 2002. №1. С. 311-322.
6. Найт Н. Была ли Россия собственным «Ориентом»? Размышления по поводу статей Эткинда и Схиммельпеннинка в рамках дискуссии по ориентализму // Ab Imperio. 2002. №1. С. 299-310.
7. Ойеван дер Д.С. Ориентализм – дело тонкое // Ab Imperio. 2002. №1. С. 249-264.
8. Празаускас А. СНГ как постколониальное пространство [Электронный ресурс] // University of Alberta. URL: http://www.ualberta.ca/~khineiko/NG_92_93/1141438.htm.
9. Рябчук М. Разновидности колониализма: о возможностях применения постколониальной методологии к изучению посткоммунистической Европы // Политическая концептология. 2013. №3. С. 116-125.
10. Саква Р. Украина и постколониальное состояние [Электронный ресурс] // ИНОСМИ. 18/09/2015. URL: <http://inosmi.ru/ukraine/20150920/230369901-print.html>
11. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 960 с.
12. Усманова Э. Восточная Европа как новый подчиненный субъект // Европейская перспектива Беларуси: интеллектуальные модели / сост. О. Шпарага. Вильнюс: ЕГУ, 2007. С. 105-140.
13. Филатов А. Идея «пограничья» как политика идентичности // Палітычная сфера. 2008. №10. С. 39-47.
14. Цибенко (Иванова) В.В. Концепции постколониализма и посториентализма в применении к кавказской проблематике // Метаморфоз vs Трансформация Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв.: материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. С. 74-86.
15. Чемякин Е.Ю. Постколониальные исследования» как историко-культурный феномен второй половины XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Урал.федер. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2012. С. 1-19.
16. Элкинс Д. Девять типов междисциплинарности для визуальных исследований: ответ на статью Мике Баль «Визуальный эссенциализм и объект визуальной культуры» // Логос. 2012. №1 [85]. С. 250-259.
17. Эткинд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio. 2002. №1. С. 265-299.
18. Fisher-Tine Н. Postcolonial Studies [Electronic resource] // European History Online (EGO), published by the Leibniz Institute of European History (IEG), Mainz 2010-12-03. Available at: <http://ieg-ego.eu/en/threads/theories-and-methods/postcolonial-studies>.
19. Shkandrij М. The Postcolonial Moment in Ukrainian Writing [Electronic resource]// Postcolonial Europe (journal). Available at: <http://postcolonial-europe.eu/ru/studies/70-the-postcolonial-moment-in-ukrainian-writing.html>.

REFERENCES

1. Adams L. *Primenima li postkolonial'naja teorija k Central'noj Evrazii?* [Can We Apply a Postcolonial Theory to Central Asia?]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2009, no. 4(66). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/am5.html> (accessed 26.09.2015) (in Russian).
2. Ionov I.N. *Imperskij i postkolonial'nyj diskursy v formirovanii obraza Rossii na Zapade* [Imperial and post-colonial discourses in the construction of the image of Russia in the West]. *Istorija i sovremennost'*, 2008, no. 2, pp. 128-153 (in Russian).
3. Ionov I.N. *Novaja global'naja istorija i postkolonial'nyj diskurs* [New global history and the postcolonial discourse]. *Istorija i sovremennost'*, 2009, no. 2. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Istoriya_i_sovremen/2009-2/Ionov.pdf (accessed 15.09.2015) (in Russian).
4. Zabirowa A.T. *Jevristicheskie vozmozhnosti i ogranichenija postkolonial'noj paradigmy v issledovanii Evrazii* [Heuristic possibilities and limitations of the postcolonial paradigm in the study of Eurasia]. *Evrazijskij universitet imeni L.N. Gumileva*. Available at: <http://www.enu.kz/repository/repository2013/VOZMOZHNOSTY-I-OGRANICHENIE.pdf> (accessed 02.10.2015) (in Russian).
5. Kjempebell E. *K voprosu ob orientalizme v Rossii (vo vtoroj polovine XIX veka – nachale XX veka)* [To the issue of Orientalism in Russia (in the second half of the XIX century – beginning XX century)]. *Ab Imperio*, 2002, no. 1, pp. 311-322 (in Russian).
6. Najt N. *Byla li Rossija sobstvennym «Orientom»? Razmyshlenija po povodu statej Etkinda i Shimmel'penninka v ramkah diskussii po orientalizmu* [Was the Russia the own Orient? Reflections on the articles Etkind and Schimmelpenninck in the context of the debate on Orientalism]. *Ab Imperio*, 2002, no.1, pp. 299-310 (in Russian).
7. Ojevan der D.S. *Orientalizm – delo tonkoe* [Orientalism is a delicate issue]. *Ab Imperio*, 2002, no. 1, pp. 249-264 (in Russian).
8. Prazauskas A. *SNG kak postkolonial'noe prostranstvo* [CIS as post-colonial space]. *University of Alberta*. Available at: http://www.ualberta.ca/~khineiko/NG_92_93/1141438.htm (accessed 27.08.2015) (in Russian).
9. Rjabchuk M. *Raznovidnosti kolonializma: o vozmozhnostjah primenenija postkolonial'noj metodologii k izucheniju postkommunisticheskoj Evropy* [Varieties of colonialism: about the application of postcolonial methodology for the study of post-Communist Europe]. *Politicheskaja konceptologija*, 2013, no.3, pp. 116-125 (in Russian).
10. Sakva R. *Ukraina i postkolonial'noe sostojanie* [Ukraine and the postcolonial condition]. *INOSMI 18/09/2015*. Available at: <http://inosmi.ru/ukraine/20150920/230369901-print.html> (accessed 02.10.2015) (in Russian).
11. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, inside. Practice of internal colonization in the cultural history of Russia]. Sb. statey pod red. A. Etkinda, D. Uffel'manna, I. Kukulina. Moscow, 2012. 960 p. (In Russian)
12. Usmanova E. *Vostochnaya Evropa kak novyy podchinennyj sub"ekt* [Eastern Europe as a new subaltern]. *Evropejskaya perspektiva Belarusi: intellektual'nye modeli*. Sost. O. Shparaga. Vil'nyus. Vilnius, 2007, pp. 105-140 (in Russian).
13. Filatov A. *Ideja «pogranich'ja» kak politika identichnosti* [The «borderland» idea as an identity policy]. *Palitychnaja sfera*, 2008, no.10, pp. 39-47 (in Russian).
14. Cibenko (Ivanova) V.V. *Koncepcii postkolonializma i postorientalizma v primenenii k kavkazskoj problematike* [The concept of postcolonialism and postorientalism as applied to the Caucasus issues]. *hnoj konferencii 6 dekabrja 2013 g., g. Rostov-na-Donu* [Metamorphosis vs Transformation multidisciplinary approach to the study of the history of the Circassians in the XIX-XXI centuries .: Materials of the International scientific conference of December 6, 2013, Rostov-on-Don.]. Rostov-na-Donu, 2013. Pp. 74-86 (in Russian).

15. Chemyakin E.Yu. *Postkolonial'nye issledovaniya» kak istoriko-kul'turnyy fenomen vtoroy poloviny XX v. Avtoref. diss. kand. ist. nauk* Postcolonial Studies "as a historical and cultural phenomenon of the second half of XX century. Author. cand. ist. sci. diss: 07.00.03]. Ekaterinburg, 2012. Pp. 1-19 (in Russian).
16. Jelkins D. *Devjat' tipov mezhdisciplinarnosti dlja vizual'nyh issledovanij: otvet na stat'ju Mike Bal' «Vizual'nyj jessencializm i obekt vizual'noj kul'tury»* [Responses to Mieke Bal's «Visual Essentialism and the Object of Visual Culture: Nine modes of interdisciplinarity for visual studies »]. *Logos*, 2012, no. 1 [85], pp. 250-259 (in Russian).
17. Jetkind A. *Bremja britogo cheloveka, ili Vnutrennjaja kolonizacija Rossii* [The Shaved Man's Burden or the internal colonization of Russia]. *Ab Imperio*, 2002, no 1, pp. 265-299 (in Russian).
18. Fisher-Tine H. Postcolonial Studies // European History Online (EGO), published by the Leibniz Institute of European History (IEG), Mainz 2010-12-03. Available at: <http://ieg-ego.eu/en/threads/theories-and-methods/postcolonial-studies> (accessed 24.09.2015).
19. Shkandrij M. The Postcolonial Moment in Ukrainian Writing // Postcolonial Europe (journal). Available at: <http://postcolonial-europe.eu/ru/studies/70-the-postcolonial-moment-in-ukrainian-writing.html> (accessed 24.09.2015).

© Голубкина С.Е., 2016

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голубкина Светлана Евгеньевна – аспирант кафедры Новой и Новейшей истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Национальный исследовательский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: golubkina.svietlana@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Golubkina Svetlana Evgenievna – postgraduate student of the Department of the history of modern and contemporary history, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (National Research University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: golubkina.svietlana@mail.ru